

Мартынова Елена Анатольевна

доктор философских наук, профессор,

Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева

martynovaelena56@mail.ru

Elena A. Martynova

Professor, Doctor of Philosophy,

Mordovia State Pedagogical Institute named after M.E. Evseviev

martynovaelena56@mail.ru

Интеллигенция как интегративная проблема культуры и образования

Intelligentsia as an integrative problem of culture and education

***Аннотация.** К числу «вечных» проблем в сфере образования относятся проблемы чему и как учить молодое поколение. Как никогда важны обозначенные формулировки и сейчас, в период, когда активно идет очередное реформирование образовательной сферы. Основная идея предлагаемых материалов заключается в том, что современному процессу воспитания и образования необходимо реанимировать не очень популярное в наши дни понятия «интеллигент» и «интеллигентность», которые должны стать целью современного образовательного процесса. Дан ретроспективный анализ феномена «интеллигенция».*

***Ключевые слова:** образование, воспитание, интеллигентность, интеллигенция.*

***Abstract.** Among the "eternal" problems in the field of education are the problems of what and how to teach the younger generation. The indicated formulations are more important than ever, at a time when the next reform of the educational sphere is actively underway. The main idea of the proposed materials is that the modern process of upbringing and education needs to reanimate the concepts of «intelligent» and «intelligence», which are not very popular today, and which should become the goal of the modern educational process. A retrospective analysis of the phenomenon of «intelligentsia» is given.*

***Key words:** education, upbringing, intelligence, intelligentsia.*

К числу «вечных» проблем образования относятся проблемы чему и как учить молодое поколение. Как никогда важны обозначенные формулировки и сейчас, в период, когда активно идет очередное реформирование образовательной сферы. А начать этот процесс предлагаю с определения ***примера*** жизненного и воспитательного идеала. Как известно, педагог играет ключевую роль в формировании личности. Во многом от его деятельности, мышления и личностных характеристик зависит эффективность приобщения подрастающего поколения к социокультурным ценностям. Педагог должен

быть примером для обучающихся, так как его профессионализм, нравственные ориентиры оказывают огромное влияние на ребенка.

Рискну выдвинуть тезис, что, прежде всего, педагог должен быть интеллигентом. Предвижу многочисленные возражения, так как формирование интеллигентного человека, по словам М. С. Кагана, выходит за рамки теории образования, но выдвинутую точку зрения готова отстаивать аргументированно.

В современных условиях, когда происходят серьезные перемены в России, интерес к проблеме российской интеллигенции и ее истории проявляется вновь, поскольку представители этого социального слоя всегда старались обосновать возможные варианты обновления общества, кардинально переориентировать ключевые установки массового сознания – теоретически, духовно и организационно. В качестве основополагающего методологического тезиса предлагаем, зафиксированный в рецензии В. Губайловского «Конец интеллигенции?» на книгу С. И. Романовского «Нетерпение мысли, или исторический портрет русской интеллигенции»: «Не нужно больше клеймить или воспевать русскую радикальную интеллигенцию. Ее необходимо исследовать как уникальное историческое явление, явление уже законченное, и делать это нужно с холодной головой, спокойно и профессионально, а все памфлеты уже написаны»[1, с.200].

Пытаться обнаружить что-то оригинальное в прежних интерпретациях термина «интеллигенция» – не так важно. Значительно интереснее осмыслить предложенные ранее теоретические модели глубже и серьезнее.

Сам термин «интеллигенция» воспринимать однозначно нельзя. Это слово не имеет переводческих аналогов в других языках. Перед каждым исследователем истории феномена «интеллигенция», о каком бы временном периоде ни шла речь, прежде всего, встает сложный вопрос о выработке тех существенных характеристик, которые он будет вкладывать в смысл изучаемого понятия, ибо отсутствие базовых критериальных оснований исследуемой категории неминуемо закончится, определенного рода, мифологизацией понятия вместо его научного обоснования. Правильно задать исследовательские ориентиры проблемы, – значит почти разгадать её природу.

Существенный вклад в разработку этого понятия внесли русские философы, историки, педагоги, литераторы П. В. Анненков, Н. А. Бердяев, Иванов-Разумник, В. О. Ключевский, В. Г. Короленко, П. Н. Милоков, Д. Н. Овсянко-Куликовский, Ф. А. Степун, Г. П. Федотов и другие. Одно из самых емких определений понятия «интеллигенция» принадлежит известному историку русской литературы П. В. Анненкову, который сравнивал интеллигенцию с воюющим орденом, члены которого «определяли» друг друга без обращения к какому-либо уставу.

Ф. А. Степун, развивая далее «орденское» истолкование интеллигенции, отмечал, что сущность любого ордена, в первую очередь, заключается не в единстве орденой организации, которую обычно называли партией, а в защите общей идеи. Понимание интеллигенции как ордена не только не отрицает, а, наоборот, возрождает ее в России[7, с.308–309].

Принадлежность к ордену интеллигенции, безусловно, оказывало определенное влияние даже на физический облик его членов. В. Г. Короленко в «Истории моего современника», к примеру, пишет, что его внимание поразило интеллигентное выражение лица одного из пассажиров, разговаривавшего с другим пассажиром: «Я насторожился, ожидая дальнейшего разговора этих двух симпатичных людей, которые сразу нашли друг друга в безразличной толпе».

В малом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, безусловно, авторитетном издании своего времени по истории, просвещению и науке России, интеллигенция определяется как «образованные, умственно развитые классы общества, живущие интересами политики, литературы и искусств». В. И. Даль определял интеллигенцию как «разумную, образованную, умственно развитую часть жителей»[2, Т. II. с.46], но отмечал, что «для нравственного образования у нас нет слова» – для того просвещения, которое «образует и ум, и сердце». В Энциклопедическом словаре Гранат отмечается не только принадлежность интеллигенции к категории людей умственного труда, но и высокая политическая активность [4, Т. 1, с.12].

Однако лишь на рубеже XIX–XX веков наиболее четко проявились сущностные характеристики феномена «интеллигенция» как особого социокультурного образования России. Работы таких философов, как Н. А. Бердяев, Ф. А. Степун, П. Б. Струве, Г. П. Федотов и др. легли в основу нового этапа дискуссий о содержательной стороне интеллигенции как особого явления русской культуры. По мнению этих мыслителей, определение интеллигенции нельзя сводить лишь к одному определенному основанию: профессиональная деятельность человека, уровень его образованности и др. Кроме высокого интеллекта и профессионализма, интеллигентность предполагает такие качества, как порядочность, высокая нравственность, «исповедование» общечеловеческих ценностей. Все они сошлись во мнении о том, что этот феномен может быть идентифицирован только интегративно при доминирующей роли морально-этических установок.

Петр Бернгардович Струве настаивал на том, что интеллигенция – это не какая-то особая публика, склонная к светскому образу жизни, интеллигенция даже не некий особый образованный класс. Мыслитель обозначил отличия интеллигенции от образованного класса - особая духовность. В интеллигенции мыслитель, прежде всего, предполагал наличие особой идейной силы, способствующей историческому развитию русского общества. Интеллигенция особо сильна в моменты напряженных ситуаций. Это дало возможность П. Б. Струве предположить, что ключевыми характеристиками интеллигенции являются - стремление к чистой духовности в разумном мироустройстве и получение абсолютного удовлетворения не только в познания мира, но и в собственном самоопределении.

Уже в наше время М. С. Каган в статье, посвященной педагогическим аспектам воспроизводства российской интеллигенции, предпринял попытку исходя из посыла, описанного выше, объяснить причины появления социального слоя, свойственного только россиянам. Основной особенностью

этого слоя было единство высокого интеллектуального уровня развития с нравственными установками, стремление которых к познанию мира было неразрывно связано с внутренними психологическими качествами – самооценка, самосознание. Императив интеллигенции – транслировать критическое отношение к окружающей действительности на себя, на собственное поведение, тем самым, соединять рациональную рефлексию с эмоциональной рефлексией, которая в этике определяется как совесть[5].

Полагаю, что именно в этом направлении следует искать истоки «самости» отечественного понятия «интеллигенция» и причины непереводаемости его на другие языки. Ян Щепанский, современный социолог, обнаружил более 60 различных дефиниций и интерпретаций термина «интеллигенция». А. Севастьянов, отсылая нас к польским социологам, фиксирует свыше 300 определений этого феномена.

Попробуем вслед за Е.С. Элбакян систематизировать и разбить на определенные группы множество определений интеллигенции. Первая группа исследователей в интеллигенции усматривает надклассовое образование, распространяющее общечеловеческие ценности, которые должны доминировать в общественном сознании. Сторонники второй группы утверждают, что феномен «интеллигенция» не имеет оснований для идентификации себя как самостоятельная социальная группа, потому что представители интеллигенции могут быть выходцами из различных классов. Третье направление представляют совершенно противоположную точку зрения, сторонники которой определяют интеллигенцию именно через ее принадлежность к определенному классу. И, наконец, четвертая точка зрения; ее сторонники видят интеллигенцию как особенную социальную группу, занимающую промежуточное положение между классами.

Из всего объема существующих определений исследуемого феномена, предложенных современными интеллигентоведом, обращает на себя внимание определение Юрия Левады. Позволим представить его как одно из наиболее удачных, полагая, что ученому удалось соединить воедино существующие тенденции в определении феномена и предложить интегрированную модель российской интеллигенции, выделяя ключевые элементы. Каковы же они? Прежде всего, это касается характеристики той социальной общности, которую представляет собой интеллигенция. Ю. Левада не склонен определять ее как слой или социальную группу, как нечто иное и большее, по мнению ученого: своеобразная социальная *функция, роль*, преисполненная жертвенности и долгом. Следующий ключевой элемент предложенной интегративной модели – трансляция плодов своей образованности (культуры, просвещения, политического сознания и пр.) в народ как священную миссию [6, с.128].

Были и другие попытки выстроить определение интеллигенции на разнообразных основаниях. Наиболее часто обращались к таким основаниям, как нестандартное, нетипичное мышление; творческое отношение к окружающей действительности; духовность как основа мироорганизации. Но, в итоге, все эти варианты можно свести к сущностным характеристикам, среди которых доминировали четыре основные. Прежде всего, это более обостренное

отношение к моральным нормам, чем в обществе, в целом. Далее, это более высокий уровень культуры и образования, нежели во всем обществе. Затем, это созидание ценностей духовной культуры, а не материальной. И, наконец, это особые отношения с властью.

Вывод из всего сказанного можно сделать один: интеллигенция – явление сложное, многоплановое. Попытки представить его как односложный феномен, корни которого имеют исключительно социальное, культурное или психологическое основание, в истории отечественной мысли не прижились. В самой сущности интеллигенции заложена невозможность дать явлению чёткое определение. Видимо, прав был Г. П. Федотов, который в еще 1926 году заметил, что определить интеллигенцию в канонические рамки невозможно. Каждое новое поколение интеллигенции исторично и определяет себя по-своему[8, с.405].

Таким образом, основные представления об интеллигенции начали складываться в русском обществе давно и были связаны, прежде всего, с идеалами нравственного бытия как основы просвещения и образованности. Как самостоятельная метафизическая категория «интеллигенция», не поддаваясь дискурсивному определению, имела интуитивно-символический характер, указывающий на невозможность раскрыть до конца ее бытийный смысл.

Интеллигент и интеллигенция – это устойчивый сплав психологии, образа жизни, особого мироощущения, мира нравственных отношений, со своими мифами, предпочтениями, традициями, иллюзиями. Основной массив знания по проблеме сконцентрирован в культурно-философской мысли XIX века. Наверное, справедливо этот век называют веком генезиса и расцвета интеллигентности (наш исследовательский материал это доказал). Не имея возможности в XXI веке воспроизвести конкретно-исторические формы интеллигентности, необходимо стремиться к сохранению того, что дала нам история. Вот почему формирование интеллигенции должно находиться в предметной области воспитания и образования, а интеллигентность должна стать не только философско-культурологической проблемой, но и педагогической.

В образовательном пространстве любого вуза, в том числе, и педагогического, дисциплиной, транслирующей весь объем знаний о феномене «интеллигенция», может быть курс «История русской философии». Но, к большому сожалению, курс «История русской философии» в чистом виде в учебных планах большинства профилей не представлен, он наличествует как учебный курс только на специальных факультетах. Обозначенный курс может быть заявлен в качестве дисциплины по выбору или как самостоятельный раздел более общих курсов «Философия», «Культурология». Задача обозначенного курса должна состоять в том, чтобы обозначить наиболее общие, универсальные средства формирования собственно идеологии интеллигентности и отдельных качеств интеллигентности.

Литература:

1. Губайловский В. *Конец интеллигенции?* / В. Губайловский// *Новый мир. №12. 2001. – С. 200.*

2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в IV т. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 1955. Т.II. – С.46.
3. Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. – СПб., 1914. Т.1. – С.12.
4. Интеллигенция // Энциклопедический словарь товарищества «Бр. А. и И. Гранат и Ко». – М., (б/г). Т. 22. – С. 59.
5. Каган М. С. «Воспроизводство российской интеллигенции как педагогическая проблема» <http://anthropology.ru/ru/text/kagan-ms/vosproizvodstvo-rossiyskoy-intelligencii-kak-pedagogicheskaya-problema>.
6. Левада Ю. Интеллигенция. //50/50; Опыт словаря нового мышления. – М.: Прогресс. – Пайо, 1989. – С.128.
7. Степун Ф. А. Портреты. – СПб.: РХГИ, 1999. – С. 308-309.
8. Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции. / Г. П. Федотов // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – С. 405.

Literature:

1. Gubailovsky V. The End of the Intelligentsia? / V. Gubaylovsky // *Novyi Mir*. №12. 2001. – P. 200.
2. Dal V. I. Tol'ovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka v IV t. – М.: Gosudarstvennoe izdatelstvo nazhestvennogo i natsional'nogo slovar'nogo slovar'nogo slovar'. 1955. VOL.II. – P.46.
3. Ivanov-Razumnik. History of Russian Social Thought. – SPb., 1914. T.1. – P.12.
4. The Intelligentsia // Encyclopedic dictionary of the partnership "Br. A. and I. Granat and Co." - M., (b/g). Vol. 22. - P. 59.
5. Kagan M. S. "Reproduction of the Russian intelligentsia as a pedagogical problem" <http://anthropology.ru/ru/text/kagan-ms/vosproizvodstvo-rossiyskoy-intelligencii-kak-pedagogicheskaya-problema>.
6. Levada Yu. The intelligentsia. //50/50; The experience of the dictionary of new thinking. - M.: Progress. - Payo, 1989. - p.128.
7. Stepun F. A. Portraits. - St. Petersburg: RHGI, 1999. - pp. 308-309.
8. Fedotov G. P. The Tragedy of the intelligentsia. / G. P. Fedotov // About Russia and Russian philosophical culture. Philosophers of the Russian post-October abroad. - M.: Nauka, 1990. - p. 405.